Алешу все поучают (отец, Митя, Иван, даже Lise, даже Коля Красоткин); Алешу все посылают по своим делам и надобностям, уверенные, что он не откажет (отец, Митя, Катерина Ивановна, Грушенька...), и он не отказывает. Он исполняет чужие поручения и просьбы и нередко первый от этого страдает. Над Алешей смеются. «Монах в гарнитуровых штанах!» (9, 225). Его презирают (Смердяков, отчасти Ракитин). Его даже бьют мальчики (Илюша).

В этой ситуации ясно, что три брата, выдвинутые в повествовании на первый план, соответствуют обычной сказочной троице братьев: «Старший умный был детина, средний был и так и сяк, младший вовсе был дурак». Это соответствие важно. Оно неизбежно предполагает и обычное для сказки переосмысление, по которому «странный» и «глупый» младший брат (иногда — сестра), думающий и делающий вопреки привычному, оказывается в результате и самым удачливым (счастливым), и самым умным, но в особом высоком смысле, не понятном для поверхностного восприятия. «Дурак» оказывается мудрецом, видимая же мудрость посрамляется. Ум и глупость меняются в этом случае своими местами. «Ты у меня все, — объясняет Алеше Митя. — Я хоть и говорю, что Иван над нами высший, но ты у меня херувим. Только твое решение решит. Может, ты-то и есть высший человек, а не Иван» (10, 109—110). Некоторая неуверенность Мити («может...») значения здесь не имеет: не Иван, а Алеша для Мити «высший», так как только решение Алеши все «решит». Разумеется, безумие Ивана в последних главах романа имеет ко всему сказанному прямое отношение.

Таким образом, «европеизм» и изощренность отрицательно направленного ума (соединение, обязательное в славянофильских теориях и идущее именно оттуда), несмотря на видимую их высокость, должны уступить место «народным началам» и их «глупости», которая является такой, по мнению автора, лишь при подходе поверхностном и высокомерном.

Повторяющееся число «три» (в любых своих вариантах) здесь возникает вполне естественно. Оно указывает читателю на родственность художественной системы этого романа сказке и, может быть, подчеркивает некоторую сказочную условность событий и отношений (при всей их конкретности), за которыми следует искать самый общий, самый глубокий смысл. В этой связи повторяющееся число «три» соответствует многократному возвращению к словам, сказанным повествователем в начале романа: «Вот это-то обстоятельство (распря о наследстве между Федором Павловичем и Митей, — *В. В.*) и привело к катастрофе, изложение которой и составит предмет моего первого вступительного романа *или, лучше сказать, его внешнюю сторону*» (9, 18).

Но не только в сказочном рассказе повторяется число «три», утраиваются некоторые моменты действия и ситуации. И не только сказочный рассказ дает повороты, в результате которых идеализируется презираемый, гонимый, подлежащий насмешке. Ведь в «Братьях Карамазовых» речь идет не только о посрамлении ума во имя кажущейся глупости, но (и это более важно) о посрамлении связанного с этим умом неверия во имя «глупой» веры.

Заметим, что и фольклорные числа, и многие элементы фольклорной поэтики были в свое время усвоены христианской литературой и приспособлены к ее требованиям и целям. Так, в житиях будущий святой нередко кажется своим близким человеком странным, юродивым, глупым (или святой сам надевает на себя эту личину, например Михаил Клопский). Такое отношение к святому выражает среднюю, «нормальную»